

КОМПАРАТИВИСТИКА

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/24099554/18/1

ПОЭТИКА ГВОЗДИКИ: СЛОВО И ОБРАЗ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ОТ ТРЕДИАКОВСКОГО ДО БРОДСКОГО (В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ). ЧАСТЬ 2

Вера Сергеевна Полилова

*Институт мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, vera.polilova@gmail.com*

Аннотация. В русской поэзии XVIII – начала XIX в. гвоздика ('цветок рода *Dianthus*') появляется изредка и как атрибут определенных литературных ситуаций, заимствованных из западноевропейской лирики: прежде всего, в качестве одного из элементов цветочного идилического каталога или части антитезы, противопоставляющей дикие и благородные цветы. Позднее актуализируется традиционная связь любовно-эротической и цветочной тем, и гвоздика начинает выступать в качестве знака любовной страсти.

Ключевые слова: гвоздика, *Dianthus*, историческая лексикология, слово, образ, символ в поэтическом языке, тропы, топики

Источник финансирования: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-78-10132; Институт мировой культуры МГУ).

Благодарности: Автор выражает сердечную благодарность А.С. Белосовой, А.А. Добрицыну, А. Шеле, Н.В. Перцову и И.А. Пильщикову, прочитавшим эту статью в рукописи, высказавшим ценные замечания и указавшим на неточности, которые удалось исправить. Особая признательность – М.В. Ослону за советы, консультации и поддержку.

Для цитирования: Полилова В.С. Поэтика гвоздики: слово и образ в русской поэзии от Тредиаковского до Бродского (в контексте европейской традиции). Часть 2 // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 7–33. doi: 10.17223/24099554/18/1

Original article

doi: 10.17223/24099554/18/1

THE POETICS OF THE CARNATION: THE WORD AND THE IMAGE IN RUSSIAN POETRY FROM TREDIAKOVSKY TO BRODSKY (IN THE CONTEXT OF EUROPEAN TRADITION). PART TWO

Vera S. Polilova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
vera.polilova@gmail.com*

Abstract. The article outlines the use of the word *gvozdika* [eng. ‘carnation’] (‘flower of the genus *Dianthus*’) in the language of Russian poetry. Part Two of the article demonstrates that the Russian poetry of the 18th – early 19th centuries features carnations sporadically and only within certain lyrical contexts borrowed from Western lyrical poetry, mostly as an element of an idyllic floral catalogue or as part of the antithesis that opposes wild and noble decorative flowers. In the second quarter and mid-19th century, the flower emerges in new poetic circumstances: since the traditional connection of floral imagery to the erotic theme is renewed, the carnation begins to epitomize passionate love. The article dwells on the poetic representations of the carnation in the poetry by Vasily Trediakovsky, Mikhail Muravyov, Aleksandr Sumarokov, Yermil Kostrov, Vasily Pushkin, Semen Bobrov, Vasily Zhukovsky, Anton Delvig, Aleksey Merzlyakov, Pyotr Vyazemsky, and others. Both the antique and the decorative-garden connotations of the carnation are brought together in Pyotr Vyazemsky’s poem “K podruge” (1815), based on a playful alternation between an Epicurean-Horatian and “domestic” tones. The poet combines two planes – that of the real and the symbolic/poetic garden, and if the carnation can refer to both, then the myrtle – only to the second. The author also examines a variety of contexts where the carnation is adjacent to the rose in poetic texts. This juxtaposition is not accidental, since the flowers are united by common attributes (colour, fragrance, expressive beauty), which also suggests a motif of rivalry between the rose and the carnation in many poems. The similarity of the two flowers also explains the fact that the carnation appears in poetic contexts as a substitute for the rose. Since the second quarter – the middle of the 19th century, the carnation is associated with love and erotic motifs, typical of the rose. This symbolism in poetry is consistent with the main meaning of the carnation in the “language of flowers”, where the wild carnation is a sign of love languor, although the process of transferring the traditional meanings of the rose to the carnation is still more im-

portant. Finally, the author analyses the rhyme *gvozdika: diko* and shows that it, together with its variations (*gvozdika/gvozdik: dikiy/dik*, etc., also in the reverse order), belongs to the set of exceptionally stable rhyme pairs in the Russian poetic tradition.

Keywords: carnation, *Dianthus*, historical lexicology, word, image, symbol in poetic language, tropes, topics

Financial Support: The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10132; Institute of World Culture, Moscow State University.

Acknowledgments: The author expresses her deep gratitude to A.S. Belousova, A.A. Dobritsyn, A. Shele, N.V. Pertsov, and I.A. Pilshchikov, who read the manuscript for inaccuracies and made valuable suggestions. Many thanks to M.V. Oslon for advice and assistance.

For citation: Polilova, V.S. (2022) The poetics of the carnation: The word and the image in Russian poetry from Trediakovsky to Brodsky (in the context of European tradition). *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 18. pp. 7–33. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/18/1

Гвоздика в языке русской поэзии: от В. Тредиаковского до К. Случевского

«Словарь пиитико-исторических примечаний» 1781 г., составленный А.Д. Байбаковым и включающий «вещи к изобретению и разумножению в поэзии служащие», дает особый список «цветов приятных и трав». Среди них, четвертой по счету, находим гвоздику: «Тюлипанъ, Роза, Лилія, *Гвоздика*, Гиацинтъ, Фиалка, Нарциссъ, Матеранъ, Васильки, Рута, Мята, проч.» [1. С. 48], но поэтических текстов XVIII столетия, где она бы упоминалась, обнаруживается чрезвычайно мало. Успехи гвоздики в русских садах и цветниках мало способствовали ее проникновению в литературу.

Первые поэтические *Dianthus*-ы фигурируют (правда, в неприличном словесном облике) в, наверное, самом раннем русском стихотворном идиллическом пейзаже [2. С. 131] – стихотворении «В сем месте море не лихо...» В.К. Тредиаковского из романа «Езда в остров любви» (1730). Следуя тальмановскому оригиналу и традиционной схеме описания *locus amoenus* (ветерок, зефиры – тихие воды, ручейки – ковер цветов и т.д.), переводчик дает серию конкретных растительных наименований:

В сем месте море не лихо,
Как бы самой малой поток.
А пресладкий зефир тихо,
Дыша от воды не высок <...>
Розы, тюлипы, жасмины
Благовонность испускают,
Ольеты, также и крины.
(«В сем месте море не лихо...», <1730> [3. С. 102]).

(= En ce lieu la Mer est paisible / Comme le plus petit Ruisseau; / Un doux Z[é]phir presque insensible, / Effleurant le deffus de l'eau <...> De mille belles fleurs tous les bords sont remplis; / Les Jasmins, *les Oëillet*s, les Roses, & les Lis / Etalent à l'envy leurs beautez nompareilles, / Et ne sont de ce lieu que les moindres merveilles [4. P. 11].)

В этих стихах внимание современного читателя на себя обращают *тюлипы* вместо тюльпанов¹ (им, кстати, нет соответствия во французском оригинале), высокий, полученный через церковно-славянское посредство грецизм *крины*, который поэты XVIII в. употребляли на равных с лилиями, но больше всего – *ольеты*, варваризм от фр. *œillets* ('гвоздики')². Слово, предложенное Тредиаковским, не вошло ни в русскую поэзию, ни в язык, и вообще не вполне ясно, чем поэт руководствовался при его выборе. Как мы помним, садовые цветы рода *Dianthus* стали зваться по-русски гвоздиками уже в XVII в., «Новый лексикон» (1764) С.С. Волчкова уверенно дает для *œillet* 'цветок' русское соответствие – гвоздика [5. С. 506, s.v. *oeillet*], так что вряд ли дело в незнании русского соответствия. Возможно, Тредиаковский счел *гвоздику* негодной для языка поэзии? В любом случае этот языковой эксперимент не нашел поддержки. Само же риторическое клише³ – серии, составленные из наименований изыс-

¹ Ср. стилизацию С.М. Соловьева: «Под сень ветвистой липы / Взойдем на склоне дня, / Где скромно спят тюлипы, / Головки наклоны» («К Делии», 1906–1909). Здесь и далее тексты цитируются по НКРЯ, если не указано иное.

² Понятные и привычные *жасмины* в XVIII в. обычно назывались *ясминами*: «Но боле там ясмин пред прочими блистал, / И где царевна шла, навстречу вырастал» (И.Ф. Богданович. «Душенька. Книга вторая», 1775–1782).

³ Как мы уже заметили в разделе 1.2.3 части 1, *les jasmins*, *les œillets*, *les roses*, *les lys*, *les violettes* часто соседствуют во французских поэтических текстах XVI–XVII вв.

канных, редких и благоухающих цветов, трав, деревьев – было стремительно освоено русской поэзией.

Первые поэтические *гвоздики* обнаруживаются сорока годами позже и тоже в переводе. М.Н. Муравьев переложил экспромт [6. С. 89] Мадлены де Скюдери, написанный будто бы в Венсенском замке в момент созерцания гвоздик, выращенных Великим Конде (Людовик II де Бурбон, принц Конде; 1621–1686). Заточенный по приказу Мазарини полководец, к удивлению гостей, занимался в неволе садоводством:

Гвоздики видя те, что воин возрастил
Победоносною своею всегда рукою,
Вспомни, что стеной вокруг ограждал Феб Трою,
И не дивись тому, что Марс садовник был.
(«Стихи г-жи Скюдери на гвоздики,
саженные князем Конде», <1773> [7. С. 280]).

(= En voyant ces œillets qu'un illustre Guerrier / Arrosa d'une main qui gagna des batailles, / Souviens-toi qu'Apollon bâtit des murailles, / Et ne t'étonne point que Mars soit Jardinier [8. P. 482].)

Здесь наши цветы не деталь идиллического пейзажа, а элемент бытовой, не условно-поэтической реальности.

Во второй половине 1750-х *душистая гвоздичка* встречается в прямом значении в идиллии А.А. Нартова («Пучек *роз нежных* невеличек / К венку свяжу, / Вокруг снижу / *Душистых ряд гвоздичек* <...>». «Нисса», 1757) и как метафора женщины в эклоге А. Сумарокова «Калиста» (1759–1768). Атис безответно любит Калисту, а его самого любит Альфиза, которая упрекает Атиса и зовет к себе:

Покинь суровую, ищи другой любви
И злое утоли терзание крови!
Пускай Калиста всех приятнее красою,
Но, зная, что тебя, как смерть, косит косою,
Отстань и позабудь ты *розин дух* и вид:
Всё то тебе тогда *гвоздичка* заменит! [9. С. 145].

То есть «забудь Калисту-розу (*розин дух*), люби меня, Альфизу-гвоздику»!¹

¹ См. также каталог цветов и плодов в притче «Иссея»: «Уже не веселять, Иссею, больше розы, / И тщеться гиацинтъ, предъ нею, и тюльпанъ; / Не вкусны

Не случайно соседство *розы* и *гвоздики*. Цветы объединяют общие атрибуты (цвет, аромат, яркая красота), они же подсказывают мотив соперничества: гвоздика хотела бы превзойти розу, но не может. Сходством двух цветов объясняется и то, что гвоздика может выступать в поэтических контекстах субститутутом розы – той же розой, но менее тривиальной.

Так цветочный топос недолговечной юности и красоты, известный прежде всего в связи с розой, обнаруживается в четверостишии П.С. Молчанова (возможно, переводном), где не роза, а гвоздика выступает метафорой быстротечности жизни:

Гвоздика поутру была безъ красоты,
Когда листковъ своихъ еще не распускала,
Къ полудню расцвѣла, а къ вечеру опала.
Съ гвоздикой сходень кто? О смертный! это ты!
(«Гвоздика», 1787 [11. С. 224]).

Это первое, насколько удалось установить, русское стихотворение, где название нашего цветка вынесено в заголовок.

Как фигуральное обозначение женщин используются названия разных цветов, в том числе гвоздик, в опубликованном в «Полном собрании сочинений и переводов» (1802) стихотворении Е.И. Кострова «К бабочке». Насекомое здесь – аллегория любовного непостоянства (с эротическим подтекстом), порхает с гвоздики на розу, с розы на лилию, фиалку, незабудку:

Лети и с нежностью *гвоздичку* поцелуй,
Оставь ее и торжествуй
Над целомудрием и розы и лилеи.
(«К бабочке», 1779–1796 [12. С. 188]).

Во французском оригинале этого мадригала, установленном А.А. Добрицыным [13. С. 67–68], гвоздика не упоминается, там «моську-волоките» поэт советует лететь от розы к новой розе. Расши-

персии, не вкусны априкозы, / Противны стали ей и виноградны лозы, / Даючи нектары во вкусъ разныхъ винъ. / На что гвоздики ей, нарциссъ, левкой, фіюля? / Испорченна совсѣмъ ея блаженна доля» [10. С. 255].

рение источника у Кострова происходит путем внесения в заданный сюжет заготовленного традицией цветочного ряда. Любопытно, что бабочка сперва летит именно к гвоздике, а лишь после – к розе, это противоречит не только костровскому источнику, но и традиции топоса «розы и летучего существа (соловья, зефира, мотылька и т.д.)» (формулировка Н. Мазур: [14. С. 346, примеч. 3]).

В притче П.М. Карабанова «Лилия и другие цветы» (1792) реализуется тот же принцип аллегорического наименования: лилия ревнует к другим цветам, в том числе к гвоздике.

В окружении разных цветов появляется гвоздика в оригинальном, насколько сегодня известно, стихотворении В.Л. Пушкина. Героиня, ожидающая свидания, обращается к «зефирам нежным» и молит о порuke в любовном деле, сравнивая себя с цветами:

И васъ в природѣ все, зефиры, утѣшаетъ:
Для васъ и скромная фіялочка цвѣтеть,
Для васъ свои листы и роза распускаетъ,
Гвоздика поцѣлуевъ ждетъ.
Я такъ же жду теперь Милона моего.
Зефиры нѣжные, несите мнѣ его!
(«Песня. Подражание древним», <1797>) [15. С. 54]¹).

В «Херсониде» С.С. Боброва гвоздика вместе с розой, фиалкой и другими цветами украшает крымский пейзаж после дождя. Здесь в наших примерах впервые, хоть и перифрастически, дается указание на красный цвет гвоздики, которая снова соседствует в строке с розой:

В фиалках, васильках душистых,
В иссопе и подлесках нежных
Синеет лучше цвет небесный;
Алее в розах и гвоздиках
Заря румяна торжествует;
Желтей в подсолнечниках гибких

¹ См. другое стихотворение В.Л. Пушкина с гвоздикой – «Совет огорченному» (<1823>): «Надѣйся и терпи: все время испѣляеть! / Зима пройдетъ, въ лугахъ *гвоздика* расцвѣтаетъ; / Судьба за горемъ вслѣдъ веселія даетъ, / И бурный вѣтръ подчасъ насъ къ пристани ведетъ» [15. С. 94].

Играет солнца луч златый;
Ясней в лилеях поражает
Млечных белизна облачков.
(«Херсониды, или Картина лучшего летнего дня
в Херсонисе Таврическом», <1798>, <1804>
[16. С. 152]).

У Боброва и других авторов XVIII в. можно заметить условность и скупость в изображении гвоздики и прочих цветов. Они характерны для всех поэтических «букетов» – простых перечислений, которым довольно самых общих эпитетов, свободно присовокупляемых к разным цветочным элементам. *Душистый, нежный, ароматный* – основные характеристики, которые могут быть приписаны любому члену цветочного ряда. Определения отчетливо абстрактны, как и сами детали пейзажа (не только цветы), – все они легко могут быть поменяны местами. И. Клейн описывал подобную отвлеченность в языке классицистической пасторали и идиллии: «..перед нами абстрактное единство, в котором затушевано и без того не слишком выраженное многообразие деталей», и элементы, в том числе цветы, подставляются «условно-поэтические» [17. С. 95–96]. Притом если роза, фиалка, лилия всё же имеют свои специальные закрепленные в традиции особые черты (гордость, скромность, нежность), эмблемами которых часто выступают, то гвоздика на этом этапе их лишена.

Цветочные серии, включающие гвоздику, встречаются и в более поздних, разрабатывающих тот же антикизированный идеальный топос, белых амфибрахиях «Моей богини» (1809) Жуковского и амфибрахо-ямбическом пентаметре идиллии Дельвига «Дамон» (1821) [18. С. 58].

<...> Потока дубравного
И, струек с журчанием
Мешая гармонию
Волшебного шепота,
Наводит задумчивость,
Дремоту и легкий сон,
Иль, быстро с зефирами
По дремлющим лилиям,

Гвоздикам узорчатым,
Фиалкам и ландышам
Порхая, питается
Душистым дыханием
Цветов, ожемчуженных
Росинками светлыми <...>
(«Моя богиня», 1809 [19. С. 145]).

Красивы тюльпан и *гвоздика* и мак пурпуровый,
Ясмин и лилея красивы, но краше их роза;
Приятны крылатых певцов сладкозвучные песни:
Приятней полночное пенье твое, Филомела!
Все ваши прекрасны дары, о бессмертные боги!
Прекраснее всех красотою цветущая младость <...>
(«Дамон», 1821 [20. С. 23]).

«Моя богиня» – вольный, сильно расширенный и дополненный перевод философической оды Гёте «*Meine Göttin*» (это первое обращение Жуковского к творчеству немецкого поэта [21. С. 539]), но гвоздики (как и фиалки с ландышами) в русском тексте появляются по прихоти русского стихотворца и не находят соответствия в немецком оригинале. У Гёте упоминаются поименно только роза и лилия («*Sie mag rosenbekränzt / Mit dem Lilienstengel / Blumentäler betreten <...>*»; = Она любит розой увенчанная / С лилиевым стеблем / В цветочные долины выходить). Идиллия Дельвига также связана с немецкоязычной предромантической культурой, хотя и не является переводом какого-либо конкретного текста (влияние С. Геснера, отразившееся в этой идиллии, отмечено в: [22. С. 82]).

Укажем здесь на другие *Dianthus*'ы, связанные, прямо или косвенно, с немецкой поэтической традицией. Во-первых, на стихотворение «Гвоздика», опубликованное в «Вестнике Европы» в 1816 г. Его лирическому герою шутник Амур предлагает выбрать один цветок из множества, надеясь, что выбор падет на колючую розу: «Я розу взять было хотелъ; / Но хитрость зналъ его велику / Взялъ скромную себѣ гвоздику. – / “Вѣдь, роза лучше!” – Нужды нѣтъ, – / Скажь Амуру я въ ответъ: – / Гвоздика мой любимой цвѣтъ» [23. С. 104]. Текст имеет примечание к заглавию: «Послана при переводѣ

из Нѣмецкаго Цвѣтника статьи *О разведеніи гвоздикъ*» и подписан «И—»¹. Во-вторых, на «Прекрасный цвет» С.П. Шевырева – перевод «Das Blümlein Wunderschön» Гёте, опубликованный в «Северной лире» на 1827 год. В этом переводе в соответствии с подлинником фигурируют разные цветы, в том числе гвоздика.

Усвоенный русскими лириками тоpos цветочных и вообще растительных перечислений и условность его языка были высмеяны в «Студенте» (1817) Грибоедова и Катенина, где Беневольский гордо читает Федьке свое поэтическое произведение, рифмующее розу и туберозу. Гвоздика тоже попадает в стихотворную строку:

«(Продолжает) Как обновленный свет Собою украсит роза?
Гвоздика, милый цвет, Тюльпан и тубероза Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором? (Федьке) Сколько *цветов поэзии!*
А? Федька. Нечего сказать, что много цветов-с».

Набор и число растений, попадающих в цветочные списки, значительно варьировались. Идиллическая абстрактность в них соперничала с георгической² любовью к подробностям, позволяющей заметно растягивать серии однотипных существительных, составляющих единый семантический ряд³.

¹ По предположению И.А. Пильщикова, вероятный автор этого стихотворения – казанский поэт Н.М. Ибрагимов (1778–1818). См. строки: «Есть *Саши* у меня въ Ка – ни / (Цари должны платить ей дани!)» [23. С. 106]. О каком «Немецком цветнике» и о какой статье из него идет речь в примечании, пока установить не удалось.

² См. строки Вергилия в переводе С. Шервинского: «Прежде всего, дерева создает различно природа. / <...> ветла мягколистная, тополь, / Гибкий дрок и с листвою седой серебристая ива. / Часть же деревьев растет, коль посажено семя: каштаны / Стройные, и в лесу высочайший Юпитеров эскул / С пышною кроной и дуб, что у греков оракулом признан. / Целый лес прегустой иные от корня пускают: / Вишня иль вяз, например; сам лавр парнасский – он тоже, / Маленький, тянется вверх, осенен материнскою тенью» [24. С. 78].

³ См. уникальный в своем роде «дендрокаталог» Тредиаковского, включающий 11 видов деревьев: «Здесь береза, ольха, ясень, ель, шумит и клен; / Здесь тополь и липа; странных род совокуплен; / Всяк невреден дуб всегда; бук толь престарелый; / Друг и виноградный вяз; кедр младый, созрелый» («Все вы счастливы семь крат солнцем освещенны...», «Аргенида», 1751).

Через полтора столетия И. Бродский, приверженец античной традиции, даст в «Холмах» (1962) последовательность из 15 флоронимов, в том числе гвоздики: «Розы, герань, гиацинты, / пионы, сирень, ирис – / на страшный их гроб из цинка – / розы, герань, нарцисс, / лилии, словно из басмы, / запах их прян и дик, / левкой, орхидеи, астры, / розы и *сноп гвоздик*».

Итак, гвоздика для поэтов конца XVIII – начала XIX в. являлась одним из *цветов поэзии* и элементом греко-римской или антиклизированной декорации. Притом само помещение гвоздики в такой контекст не могло опираться на собственно античные образцы, а было воспринято из европейской традиции (см. часть I).

Устойчивость псевдоантичного ореола вокруг гвоздики хорошо иллюстрирует решение А.Ф. Мерзлякова, дающего в переводе VI и VII эклог Вергилия в качестве аналога существительного *baccar*, *baccaris* (растение, денотат которого не установлен) именно *Dianthus*:

О кроткій сынъ небесь! – Склони нѣжнѣйшу длань, –
Поля не ждуть трудовъ, тебѣ готова дань:
Гедеру блѣдную, и черныя гвоздики,
Смѣющійся акантъ и розмарины дики! –
<...>
И колыбель сама, твою лелѣя младость,
Произраститъ цвѣты, очей твоихъ на радость!
Погибнетъ всякъ недугъ, всѣ язвы, аспидъ злой! –
Погибнуть! – Всякой плодъ созрѣетъ самъ собой! <...>¹
[25. С. 30–31]; (ср. позднюю редакцию,
где строка с гвоздикой оставлена без изменений [26. С. 213])

(= At tibi prima, puer, nullo munuscula cultu / errantis hederas passim cum *baccare* tellus / mixtaque ridenti colocasia fundet acantho. <...> ipsa

¹ Ср. с переводом С. Шервинского, который транслитерирует *baccar* и *colocasias*, *colocasias* из этого пассажа: «Мальчик, в подарок тебе земля, не возделана вовсе, / Лучших первин принесет, с плющом блуждающий *бáккар* / Перемешав и цветы *колокассий* с аканфом веселым. / <...> / Будет сама колыбель улаживать тебя щедро цветами. / Сгинет навеки змея, и трава с предательским ядом / Сгинет, но будет расти повсеместно аммóм ассирийский» [24. С. 50–51].

tibi blandos fundent cunabula flores, / occidet et serpens, et fallax herba veneni / occident, Assyrium volgo nascetur amomum¹.)

В процитированном пассаже любопытен не только выбор *гвоздики*, но и постановка *диких розмаринов* на месте флоронима *colocasias, colocasiae*, обозначающего «индийскую кувшинку»².

В VII вергилиевой эклоге «Мелибей» Мерзляков сопровождает строчку с гвоздикой (тоже на месте *baccar* оригинала) специальным примечанием, сообщающим, что растение употреблялась как предохранительное средство от дурного глаза [25. С. 99, 102, примеч. 3].

Тирсисъ.

Вѣнчайте пастухи Поэта молодого,
Вѣнчайте лаврами къ досадѣ Кодра злаго,
Да чувства зависти грудь гордую тѣнять!
Но есть ли онъ польстиль... хвала завистныхъ ядь!..
Вѣнчайте пастуха *волшебною гвоздикой*.

Коридонъ.

О Делія! Миконъ, ловець пустыни дикой <...> [25. С. 63]³

(= Pastores, hederæ crescentem ornate poetam, / Arcades, invidia rumpantur ut ilia Codro; / aut si ultra placitum laudarit, baccare frontem / cingite, ne vati noceat mala lingua futuro.)

Помещение гвоздики в античный контекст характерно не только для поэзии XVIII и XIX вв. И. Анненский венчает дочь Хирона гвоздикой в своей трагедии «Меланиппа-философ» (1901) («Ты венчанную *гвоздикой* / Дочь Хирона поборола <...>»). У М. Кузмина в «Александрийских песнях» гвоздику бросает героиня на празднике

¹ Латинский текст Вергилия здесь и далее цитируется по электронной библиотеке Perseus: <http://www.perseus.tufts.edu/>.

² Обсуждение лексемы *baccar* и стоящего за ней растения, в том числе его аромата, но без отсылки к гвоздике, Мерзляков мог найти в комментированных изданиях. К сожалению, установить, какие именно материалы были доступны поэту, мне не удалось, возможно, он опирался на чью-то интерпретацию лексемы.

³ См. перевод С. Шервинского: «Вы увенчайте плющом, пастухи, молодого поэта – / Пусть же у Кодра кишки от зависти лопнут, – но если / Станет расхваливать он чересчур, наперстянкой натрите / Лоб мне, чтобы певца он не сглазил своими хвалами» [24. С. 61].

Адониса («и когда на празднике Адониса я бросила тебе *гвоздику*, / посмотрел равнодушно своими светлыми глазами». «Их было четверо в этот месяц...», 1905–1908). Из маков и гвоздик сплетены венки для дионисийских обрядов у И. Эренбурга («Возлагая благовонные венцы / Из багровых маков и гвоздики, / В исступленной пляске девы и жрецы / Сбрасывали пышные туники». «Дионис», 1911). В этих примерах красная гвоздика, по-видимому, снова играет роль субститута красной розы, использование которой в греческих обрядах описано и задокументировано.

Другой повторяющийся в литературе конца XVIII – начала XIX в. «гвоздичный» контекст устроен совершенно иначе: гвоздика не включается в ряд других, подобных ей, цветов, а противопоставляется одному или нескольким растениям.

Первый такой обнаруженный пример – басня Ф.П. Ключарева «Подсолнечник и гвоздика» (1795).

В саду *подсолнечник с гвоздикою* цвели
И спор друг с другом завели:
Подсолнечник гордился
Своею высотой
И красотой;
Цветок хвалиться не стыдился,
Что он душист родился.
Во время распри той
Ребята глупые на первого напали
И расщипали;
Другая часть с *гвоздикою* была:
Красавица *гвоздику* сорвала
Для украшения своей прелестной груди.
Различие их сии показывают люди [27. С. 301].

Здесь реализуется традиционный топос «спора цветов» [28. С. 355–358, а также примеч. 63, 64], частый в том числе во французских баснях¹. Второй пример – крохотная басня И.И. Дмитриева

¹ Эта тема имеет самые разные вариации, см. например: «Роза и ананас» (между 1763 и 1767) В.И. Майкова, «Роза и лилея» (1792) А.И. Бухарского, «Фиалка и подсолнечник» (<1805>) Н.Ф. Остолопова, «Цветы» (1816) И.А. Крылова о споре «цветов поддельных с живыми» и др.

«Полевой цветок и гвоздика» (1805), перевод “La Renoncule et L’Œillet” Л.П. Беранже:

Простой цветочек, дикой,
Нечаянно попал в один пучок *с гвоздикой*;
И что же? От нее *душистым* стал и сам. –
Хорошее всегда знакомство в прибыль нам [29. С. 233].

И у Ключарева, и у Дмитриева из свойств и черт гвоздики выделена «душистость». Сама же антитетическая композиция басни Беранже–Дмитриева позволяет вычленить дополнительные характеристики интересующего нас образа: гвоздика противопоставляется дикому цветочку (лютику во французском оригинале) как цветок декоративный, изысканный и ценный. Ключарев в своем тексте указывает место действия – это сад («В саду подсолнечник с гвоздикою цвели»). Похожая оппозиция (декоративные цветы vs полевые) обнаруживается, кстати, и в басне Александра Незабудкина (А.Н. Глебова) «Лопух в цветнике» («В цветник с тюльпанами, с нарциссами, с гвоздикой...», 1826?), где уже в заглавии дается место разворачивания сюжета.

Все эти детали вместе позволяют выделить вариацию образа гвоздики, отличную от описанной выше «античной». Если в тех примерах гвоздика произрастала в условном идиллическом пейзаже, окруженная прелестными цветами, сама по себе, то здесь перед нами садовое растение, требующее специального ухода, культивируемое и принадлежащее не только условной поэтической реальности.

Такая декоративная гвоздика обнаруживается и вне басенного контекста и характерных для него антитез. Например, вместе с розой и гиацинтом гвоздика противопоставлена «обыкновенным» и немодным цветам в одноактной комедии для детей «Великодушные в низком состоянии», переделанной на русские нравы с западноевропейского образца¹ и опубликованной в новиковском «Детском чтении для сердца и разума»:

ЯВЛЕНИЕ VI. Лизанька. Ёдинька. *Петръ несетъ корзинку со цвѣтами.*

¹ Об авторстве и источнике этого произведения см. [30. С. 106; 31. С. 146].

Лизанька. Насилу ты пришель! – Ты долго заставляешь себя дожидаться.

Петръ. Нѣтъ, сударыня; я торопился прійти какъ можно скорѣе. Вотъ цвѣты! (*подает ей корзинку.*)

Лизанька. Подай мнѣ. – Фи! что это за дрянъ! (*бросает корзинку.*)

Оединька <.> И! сестрица, цвѣты право хороши; когда онѣ тебѣ не надобны, такъ я ихъ себѣ возьму. (*подбирает цвѣты.*)

Петръ. Какая дрянъ? У насъ во всемъ саду нѣтъ лу[ч]ше этихъ цвѣтовъ. – У васъ въ городѣ будто лучше есть?

Лизанька. И конечно есть! гіацинты, розы, гвоздики <...> [*курсив источника; 32. С. 109–110.*]

В кругу декоративных цветов гвоздика появляется у Н. Иванчина-Писарева: «Тамъ роза, гіацинтъ, *гвоздика*, незабудка...» («Дитя и цвѣты») [33. С. 184]. А оппозиция *садовые цветы (гвоздика, роза, лилия)* vs *дикие цветы* присутствует в «Российском Жилблазе» (1814) В.Т. Нарезного: в рассуждении Гаврилы Симоновича Чистякова она становится частью развернутой метафоры, описывающей английские и немецкие трагедии. «Английские трагедии и списки их немецкие большею частию похожи на пространную долину, коей взор объять не может. Там пенятся реки, кипят ручьи – подле болот, где квакают лягушки и шипят змеи. *Прекрасные цветы – розы, лилеи и гвоздики – растут, перепутаны крапивою и репейником <...>*» [34. С. 367]¹.

Объединяет «античные» и «садово-декоративные» коннотации гвоздики послание П.А. Вяземского «К подруге» (1815), построенное на игре и постоянном переключении между эпикурейско-горацианским и «домашним» тоном. Вяземский обращается к жене,

¹ Само противопоставление *садовые / окультуренные растения* vs *дикие* представляет собой риторическое клише. См., например, знаменитое суждение Пьетро Бембо о «Комедии» Данте, согласно которому она подобна красивому и большому полю пшеницы, где полезные травы перемешаны с вредными («la sua Comedia giustamente rassomigliare ad un bello e spazioso campo di grano, che sia tutto d'avena e di logli e d'erbe sterili e dannose mescolato» [35. P. 73]). Ср. также с метафорой поэта-садовника, имеющей длинную культурную историю [36. С. 67–126].

противопоставляя счастливую жизнь на лоне природы в Остафьеве шуму и суете света, и представляет усадьбу как своеобразный *locus amoenus*:

Ты всё обозреваешь:
Здесь мирты поливаешь,
Гвоздику расправляешь,
Склоненную к земли;
А там тропу от спальни
К беседке у купальни
Прокладываешь ты! [37. С. 77].

Здесь происходит совмещение двух планов – реального и условно-поэтического сада – и если гвоздика может относиться к ним обоим, то мирты – только ко второму. Мерцание домашней реальности сквозь поэтическую завесу конституирует весь текст, в котором Карамзин предстает «бессмертным сыном Клии», а Батюшков – «сладкогласным Тибуллом».

В целом, в текстах русских поэтов XVIII – начала XIX в. налицо «невысокий спрос» на поэтические гвоздики. Используя выражение А.Н. Веселовского, скажем, что *емкость*¹ этого образа была еще невелика, облик цветка размыт, не определен и лишен конкретных черт и выраженного характера.

Однако со второй четверти – середины XIX в. гвоздика все яснее концентрирует вокруг себя общие с розой любовно-эротические смыслы. Такая символика в поэтических текстах согласуется с основным значением гвоздики в «языке цветов», где дикая гвоздика служит знаком любовного томления («меня томить к тебе любовь» [39. С. 66]²), хотя первостепенной роли традиция селамы играть не

¹ См.: «Как зарождается и развивается символика цветов, без которой не обошлась ни одна народная или художественная поэзия? Качества местной флоры определили тот или другой выбор <...>; красота цветка <...> выдвинули его перед другими, вызвали ряд ассоциаций; от емкости образа зависит их количество и разнообразие; на них-то и перенесен интерес, нередко образ цветка почти исчезает за подсказанным ему человеческим содержанием» («Из поэтики розы») [38. С. 132].

² В 1830 г. была опубликована книга Д.П. Ознобишина «Селам, или Язык цветов», основу которой составили, по признанию автора, сведения из немецко-

могла (в нем большинство цветов имеют те или иные любовные значения), важнее – продолжение процесса переноса на гвоздику традиционных значений розы.

В “Cache-cache”¹ (1828) Ф. Тютчева герой, ожидая возлюбленную, разглядывает ее комнату, где «гвоздики и розы стоят у окна» и стоят «недаром». Мотылек, что «влетел» в текст стихотворения в последней строфе и стал порхать с цветка на цветок, – очевидная отсылка к традиции, о которой уже шла речь выше. (См. также франкоязычное тютчевское стихотворение “Un rêve” (1847), где лепестки красных розы и гвоздики из гербария оживляют воспоминание о былой любви.)

В переводе Аполлона Майкова из Гейне «Ночи теплый мрак гвоздики...» (1857) (“Wie die Nelken duftig athmen!..”) гвоздики в соответствии с оригиналом тоже появляются как атрибут предстоящего любовного контакта («Сладкий трепет; робкий шепот, / Нега счастья и любви...»). И у Гейне, и Майкова отмечен аромат (“Nelken duftig”) цветка («Благовонием поят <...>»), а кроме того, гвоздикам вновь сопутствуют розы и летучие существа – соловьи: “Und die jungen Rosen lauschen, / Und die Nachtigallen singen” (= И юные розы прислушиваются / И соловьи поют). Майков передает эти строки так: «И – внимательнее розы, / Вдохновенней соловьи»².

В другом переводе из Гейне – «Ратклифе» (1862–1865) М.Л. Михайлова – цветы, среди которых и гвоздика, сладострастно сливают-

го издания “Die Blumenschprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art” (Berlin, 1823). Изучению «флоропозтики» и рецепции «языка цветов» в России посвящены работы К.И. Шарафадиной (прежде всего: [40, 41]).

¹ А.А. Николаев указывает, что Р. Лэйн интерпретировал это стихотворение Тютчева как переложение из Л. Уланда (“Nähe” (= Близость), “Ich tret in deinen Garten...”, 1809) [42. С. 375]. Комментаторы новейшего издания эту связь не упоминают [43. С. 317], хотя сходство ситуаций в двух стихотворениях действительно заметно. Для нас важно, что в более коротком тексте Уланда (12 строк) тоже фигурируют мотылек (первый катрен) и цветы (второй катрен), которые, однако, не конкретизированы, упоминается лишь «цветочный аромат» (“Und mit den Blumendüften <...>”).

² Ср. также с более поздним, но близким майковскому, переводом Петра Вейнберга: «Чудный запах льют гвоздики, <...> / Робкій шопоть, сладкій трепетъ, / Ласки нѣжныя любви – / И подслушиваютъ розы, / И рокочуть соловьи» [44. С. 175–176].

ся в экстагическом порыве, и переводчик, следуя за оригиналом, олицетворяет их:

<...> С нежностью любви
Фиялки любовались друг на друга;
Один к другому припадали страстно
Венцы лилей; порывисто дышали,
В горячей неге замирали розы;
Огнём вилось дыхание гвоздик, –
И все цветы в благоуханьи млели,
Все обливались страстными слезами,
Шептали все: «Любовь! любовь! любовь!» [45. С. 258–259].

(= Es stiegen Nebelbilder aus den Feldern, / Umschlangen sich mit weißen, weichen Armen; / Die Veilchen sahn sich zärtlich an, sehnstüchtig / Zusammenbeugten sich die Liljenkelche; / Aus allen Rosen glühten Wollustgluthen; / Die Nelken wollten sich im Hauch entzünden; / In sel'gen Düften schwelgten alle Blumen, / Und alle weinten stille Wonethränen, / Und alle jauchzten: Liebe! Liebe! Liebe! [46. S. 136].)¹ Здесь следует обратить внимание на новую характеристику аромата / дыхания гвоздики как огненного (“Die Nelken wollten sich im Hauch entzünden”).

Цветочный пейзаж из «Ратклифа» дает возможность составить общее впечатление о «насыщенной цветочности» Гейне (формулировка И. Анненского [47. С. 403]), который имел исключительное влияние на русскую лирику второй половины XIX в. Из поэзии Гейне усваивается новая трактовка традиционной связи любовно-эротической и цветочной темы, заметно более аффективная и чувственная². Гвоздика на фоне прочих цветов начинает выделяться

¹ Ср. также перевод Вейнберга: «Фіалки съ нѣжностью смотрѣли другъ на друга, / Горѣли розы нѣгой сладострастной, / Въ истомѣ лиліи одна къ другой клонились, / *Благоуханіемъ гвоздики загорались*, / Въ блаженномъ запахѣ покоились цвѣты, / И плакали всѣ сладкими слезами, / И пѣли всѣ: Любовь! Любовь! Любовь!» [44. С. 113].

² См. также у Веселовского: «Роза и лилія как-то затерялись среди экзотической флоры современной поэзии, но еще не увяли и по-прежнему служат тем же целям символизма, выразителями которого были в течение веков. Средство

прежде всего своим особенным ароматом (эта характеристика, вероятно, подкреплена связью с гвоздикой-пряностью) и алым цветом: и обе эти черты приобретают устойчивую связь с пламенем (традиционную для розы, которой свойственно «пылать», вплоть до почти стертой метафоры «пылают розы щек»).

Выглядящее тривиальным сегодня сравнение огня и гвоздики, по всей видимости, не было таковым в XIX в. Во всех обнаруженных и рассмотренных примерах XVIII–XIX вв. поэтические гвоздики «пылают» и «горят» только у почитателя Гейне К. Случевского¹: «<...> Снег под ногами хрустит; / Рядом со снегом, что пурпур, / Кустик гвоздики горит; Дружно пылают гвоздики, / Рдеют с бесчисленных вершин <...>» («Мурманские отголоски», 1889). Позже связь гвоздики и огня становится устойчивой. См., например, строку В.И. Нарбута: «И горели гвоздикой куртины («Вишня», 1909), – и многочисленные примеры из Бальмонта в следующей части. Позднее клишированный мотив пародируется у Маяковского в «Клопе» (1928): «Гвоздика огня / и дымная роза // гарантируют / 100 / процентов / склероза» (анти табачная агитка).

У П.Д. Бутурлина в одном из стихотворений цикла «Подражания тосканским мадригалам XIV в.» (1880–1893; итальянские источники не установлены) эффект пряного гвоздичного аромата сравнивается с любовным мороком, а также возникает знакомая нам уже цветочная тема быстротечности и хрупкости красоты («Гвоздика красная, твой запах, как любовь, / Он мысли путает, спирает в горле дух... / <...> Лишь день один блеснуть всем блеском красоты?»).

В шутовском стихотворении В.В. Гофмана «В альбом» (1901) лирический герой ищет цветок, подходящий для сравнения с дамой, и отвергает гвоздику потому, что она «шаловлива»: «Нет, шаловливую гвоздикой / Я не решаюсь вас назвать, / Ведь, право, было б слишком дико / Вам шаловливость приписать». В более поздних текстах, уже не связанных с иноязычными традициями, гвоздика может выпол-

осталось, содержание символа стало другое, более отвлеченное, личное, нервное, расчлняющее; многие из образов Гейне были бы непонятны поэтам, певшим о розовой юности (*rosea juvena*) и создавшим эпитет “лилейный”» [38. С. 132].

¹ О цветах Гейне в связи с поэзией К. Случевского писала Леа Пильд (см.: [48. С. 159–160]).

нять роль ясного знака плотской любви, как в стихотворениях Софии Парнок и Игоря Северянина:

И не по-женски *страстная рука*
Сжимает выгиб семиструнной лиры...
Гвоздики темные. От солнца ль томный жар?
(С.Я. Парнок. «О, чудный час, когда душа вольна...», 1917)

И *алостью дикой гвоздики*
Покрылась земля, *где твоим*
Ставал под усладные вскрики,
Где двое ставали одним...
(Игорь Северянин. «Диво», 7 сентября 1933)

— и опять же у Бальмонта (см. часть 3).

В завершение этой части, хочу обратить внимание читателя на рифму *гвоздика* : *дико*, использованную в стихотворении Гофмана. Эта пара и ее вариации (*гвоздика/гвоздик* : *дикий/дик* и т.п. и обратный порядок) относится к числу исключительно устойчивых рифменных пар в русской стихотворной традиции: она использована в подавляющем большинстве тех случаев, когда гвоздика попадает в рифменную позицию. Мы уже видели ее в наших примерах: в басне «Полевой цветок и гвоздика» (1805) Дмитриева, который, видимо, первым нашел эту рифму («Простой цветочек, *дикий*, / Нечаянно попал в один пучок с *гвоздикой*»), дважды у Мерзлякова в переводах эклог Вергилия (1807) («Гедеру блѣдную, и черныя *гвоздики*, / Смѣющійся аканть и розмарины *дики*!»; «Вѣнчайте пастуха волшебною *гвоздикой* / О Делія! Миконъ, ловець пустыни *дикий* <...>»), у Бродского («<...> запах их прян и *дик*, / левкой, орхидеи, астры, / розы и сноп *гвоздик*»). Вот некоторые другие случаи употребления этой пары:

У ног его немой и *дикий*
Утес в расщелине любовно приютил
Цветок малиновой *гвоздики* <...>
(Д.С. Мережковский. «На Тарпейской скале», 1884)

Нет ни единого в небе луча.
Вихри ненастные мечутся *дико*.

В темных стенах, на груди, у плеча,
Красная, красная сохнет *гвоздика*.
(Д.М. Цензор. «Красная гвоздика», 1906).

<...> Развязен вид, и вовсе мне не *дики*
Нескромный галстук, красные *гвоздики*...
(Г.В. Иванов. «Еще с Адмиралтейскою иглой...», 1912).

Ах, не говорите:
«Кровь из раны».
Это – *дико!*
Просто избранных из бранных
одаривали *гвоздикой*.
(В.В. Маяковский. «Великолепные нелепости», 1915).

Лугом пройдешь, как садом,
Садом в цветенье *диком*,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к *гвоздикам*.
Лугом пройдешь, как садом.
(С.А. Есенин. «Воздух прозрачный и синий...», 1925).

Нет, не про Фергали с его *гвоздику* –
Я про пустыню думаю про *дикую* <...>
(К.М. Симонов. «Гвоздика», 1960).

Список источников

1. *Аполлос* (= *Байбаков А.Д.*). Словарь пиитико-исторических примечаний <...>: В пользу юношества обучающегося поэзии в семинарии Троицкой. М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. 51 с.
2. *Эпштейн М.Н.* «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высшая школа, 1990. 302 с.
3. *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения / вступ. статья и подгот. текста Л.И. Тимофеева, примеч. Я.М. Строчкова. Л. : Сов. писатель, 1963. 577 с.
4. Recueil de quelques pièces nouvelles et galantes. Ire partie. Cologne : Pierre du Marteau, 1667. 235 p.
5. Новый вояжиров лексикон на французском, немецком, латинском и российском языках / пер. С. Волчкова. Ч. II: С литеры G до конца алфавита. СПб. : Имп. Акад. наук, 1764. 1282 с.

6. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. II: Русская литература второй половины XVIII в. Исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. II. М.: Языки славянской культуры, 2003. 921 с.

7. *Муравьев М.Н.* Стихотворения / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Л.И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1967. 387 с.

8. *Bibliothèque Poétique, ou nouveau choix des plus belles pièces de vers en tout genre, depuis Marot jusqu'aux poètes de nos jours: avec leurs vies et des remarques sur leurs ouvrages.* Paris : Briasson, 1745. Т. 2. 542 p.

9. *Сумароков А.П.* Избранные произведения / вступ. статья и примеч. П.Н. Беркова. Л.: Сов. писатель, 1957. 608 с.

10. *Сумароков А.П.* Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1781. Ч. VII. 377 с.

11. *Молчанов П.С.* Гвоздика // Распускающийся цветок, или Собрание разных сочинений и переводов <...>. М., 1787. С. 224. Подпись: «П. Мол.»

12. *Поэты XVIII века : в 2 т. Л. : Сов. писатель, 1972. Т. 2. 592 с.*

13. *Добрицын А.А.* Вечный жанр: западноевропейские истоки русской эпиграммы XVIII – начала XIX века. Bern : Peter Lang, 2008. 560 с. (Slavica Helvetica; vol. 79).

14. *Мазур Н.Н.* Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 4: Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. С. 345–378.

15. *Пушкин В.Л.* Сочинения / изд. под ред. В.И. Саитова. СПб.: Евг. Евдокимов, 1893. 158 с.

16. *Поэты 1790–1810-х годов. Л. : Сов. писатель, 1971. 911 с.*

17. *Клейн И.* Пути культурного импорта: Труды по русской литературе XVIII века. М.: Языки славянской культуры, 2005. 576 с.

18. *Шапир М.И.* Гексаметр и пентаметр в поэзии Катенина: (О формально-семантической деривации стихотворных размеров) // *Philologica*. 1994. Т. 1, № 1/2. С. 43–107.

19. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.

20. *Дельвиг А.А.* Сочинения / сост., вступ. ст., и комм. В.Э. Вацууро. Л.: Худож. лит., 1986. 470 с.

21. *Жирмунский В.М.* Гете в русской поэзии // Литературное наследство. Т. 4/6: Гете. М.: Журнально-газетное объединение, 1932. С. 505–650.

22. *Данилевский Р.Ю.* Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л.: Наука, 1984. 276 с.

23. Гвоздика // *Вестник Европы*. 1816. Ч. 86, № 5. С. 103–106. Подпись: «И →» (Н.М. Ибрагимов?).

24. *Вергилий.* Буколики: Георгики: Энеида / пер. с лат., вступ. статья М. Гаспарова, комм. Н. Старостиной и Е. Рабинович. М.: Худож. лит., 1979. 550 с.

25. Мерзляков А.Ф. Эклоги П. Виргилия Марона. М. : Дубровин и Мерзляков, 1807. 96 с.
26. Мерзляков А.Ф. Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. М. : Унив. тип., 1826. Ч. 2. 359 с.
27. Поэты XVIII века : в 2 т. Л. : Сов. писатель, 1972. Т. 1. 623 с.
28. Алексеев М.П. Споры о стихотворении «Роза» // Алексеев М.П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л. : Наука, 1972. С. 326–377.
29. Дмитриев И.И. Полное собрание стихотворений / сост., вступ. статья и комм. Г.П. Макогоненко. Л. : Сов. писатель, 1967. 502 с.
30. Привалова Е.П. Социальная проблема на страницах журнала Новикова «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. Л. : Наука, 1976. Сб. 11. С. 104–112.
31. Сетин Ф.И. История русской детской литературы: Конец X – первая половина XIX в. М. : Просвещение, 1990. 301 с.
32. Детское чтение для сердца и разума. М., 1786. Ч. VI. 192 с.
33. Иванчин-Писарев Н.Д. Сочинения и переводы в стихах. М. : С. Селивановский, 1819. 331 с.
34. Нарежный В.Т. Избранные сочинения : в 2 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. 2. 478 с.
35. Antologia della critica letteraria: dantesca e storica. Firenze : Le Monnier, 1969. Т. 1. 513 p.
36. Сазонова Л.И. Память культуры: Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 471 с.
37. Вяземский П.А. Стихотворения. Л. : Сов. писатель, 1958. 507 с.
38. Веселовский А.Н. Из поэтики розы (1898) // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л. : ГИХЛ, 1939. С. 132–139.
39. Ознобишин Д.П. Селам, или Язык цветов. СПб. : Деп. нар. просвещения, 1830. 32 с.
40. Шарафадина К.И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: Источники, семантика, формы. СПб. : Петербург. ин-т печати, 2003. 309 с.
41. Шарафадина К.И. Селам, откройся!: Флоропоэтика в образном языке русской и зарубежной литературы. СПб. : Нестор-История, 2018. 543 с.
42. Тютчев Ф.И. Полное собрание стихотворений. Л. : Сов. писатель, 1987. 446 с.
43. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и письма : в 6 т. М. : Классика, 2002. Т. 1. 525 с.
44. Гейне Г. Полное собрание сочинений / под ред. и с биограф. очерком П. Вейнберга. 2-е изд. СПб. : А.Ф. Маркс, 1904. Т. 5. 407 с.
45. Михайлов М.Л. Собрание стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю.Д. Левина. Л. : Сов. писатель, 1969. 620 с.

46. Heine H. Säkularausgabe: Werke, Briefwechsel, Lebenszeugnisse, Bd. 1: Gedichte 1812–1827 / Bearbeiter H. Böhm. Berlin : Akademie-Verlag, Paris: Editions du CNRS, 1979. 272 S.

47. Анненский И. Книги отражений. М. : Наука, 1979. 679 с.

48. Пильд Л. Гейне в литературном диалоге К. Случевского и Вл. Соловьёва // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян / сост. Л.О. Зайонц. М. : Новое издательство, 2007. С. 156–164.

References

1. Apollos (Baybakov, A.D.) (1781) *Slovar' piitiko-istoricheskikh primechaniy <...>: V pol'zu yunoshestva obuchayushchagosya poezii v seminarii Troitskoy* [The Dictionary of Piitiko-Historical Notes <...>: For the benefit of youth studying poetry at the Trinity Seminary]. Moscow: Univ. tip., u N. Novikova.

2. Epstein, M.N. (1990) "*Priroda, mir, taynik vseennoy...*": *Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii* ["Nature, the world, the secret of the universe ..."]: The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow: Vysshaya shkola.

3. Trediakovsky, V.K. (1963) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

4. Anon. (1667) *Recueil de quelques pièces nouvelles et galantes*. 1re partie. Cologne: Pierre du Marteau.

5. Gavrilov, M.G. (1764) *Novyy voyazhirov leksikon na frantsuzskom, nemetskom, latinskom i rossiyskom yazykakh* [New voyagers lexicon in French, German, Latin, and Russian]. Vol. II. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

6. Toporov, V.N. (2003) *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

7. Muraviev, M.N. (1967) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

8. Marot et al. (1745) *Bibliothèque Poétique, ou nouveau choix des plus belles pièces de vers en tout genre, depuis Marot jusqu'aux poètes de nos jours: avec leurs vies et des remarques sur leurs ouvrages*. Vol. 2. Paris: Briasson.

9. Sumarokov, A.P. (1957) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

10. Sumarokov, A.P. (1781) *Polnoe sobranie vseh sochineniy v stikhakh i proze* [Complete Works in Verse and Prose]. Vol. 7. Moscow: Univ. tip., u N. Novikova.

11. Molchanov, P.S. (1787) *Gvozdika* [Carnation]. In: Molchanov, P.S. et al. *Raspuskayushchiysya tsvetok, ili Sobranie raznykh sochineniy i perevodov <...>* [Blooming Flower, or Collected Works and Translations]. Moscow: Univ. tip., u N. Novikova. p. 224.

12. Priyma, F.Ya. (ed.) (1972a) *Poety XVIII veka: V 2 t.* [Poets of the 18th century: in 2 vols]. Vol. 2. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

13. Dobritsyn, A.A. (2008) *Vechnyy zhanr: zapadnoevropeyskie istoki russkoy epi-grammy XVIII – nachala XIX veka* [An eternal genre: Western European origins of the Russian epigram of the 18th – early 19th centuries]. Bern: Peter Lang.

14. Mazur, N.N. (2007) Eshche raz o deveroze (v svyazi so stikhotvorenieniem Baratsynskogo "Eshche kak patriarch ne dreven ya...") [Once again about the maiden-rose (in connection with Baratynsky's poem "Even as a patriarch, I am not ancient ...")]. In: Kiseleva, L. (ed.) *Pushkinskie chteniya v Tartu. Vyp. 4: Pushkinskaya epokha: problemy refleksii i kommentariya* [Pushkin Readings in Tartu. Issue. 4: Pushkin's Era: Problems of Reflection and Commentary]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 345–378.
15. Pushkin, V.L. (1893) *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg: Evg. Evdokimov.
16. Egorov, B.F. (ed.) (1971) *Poety 1790–1810-kh godov* [Poets of the 1790s–1810s]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
17. Klein, I. (2005) *Puti kul'turnogo importa: Trudy po russkoy literature XVIII veka* [Ways of cultural import: Works on Russian literature of the 18th century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
18. Shapir, M.I. (1994) Geksametr i pentametr v poezii Katenina: (O formal'no-semanticheskoy derivatsii stikhotvornykh razmerov) [Hexameter and pentameter in Katenin's poetry: (On the formal-semantic derivation of poetic meters)]. *Philologica*. 1(1/2). pp. 43–107.
19. Zhukovsky, V.A. (1999) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 1. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
20. Delvig, A.A. (1986) *Sochineniya* [Works]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.
21. Zhirmunsky, V.M. (1932) Gete v russkoy poezii [Goethe in Russian poetry]. In: Ippolit, I. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 4/6. Moscow: [s.n.]. pp. 505–650.
22. Danilevsky, R.Yu. (1984) *Rossiya i Shveytsariya: Literaturnye svyazi XVIII–XIX vv.* [Russia and Switzerland: Literary Relations of the 18th–19th Centuries]. Leningrad: Nauka.
23. [Ibragimov, N.M.] (1816) Gvozdika [Carnation]. *Vestnik Evropy*. 86(5). pp. 103–106.
24. Virgil. (1979) *Bukoliki: Georgiki: Eneida* [Bucolics: Georgics: Aeneid]. Translated from Latin by M. Gasparov. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
25. Merzlyakov, A.F. (1807) *Eklogi P. Virgiliya Marona* [Eclogues by Publius Vergilius Maro]. Moscow: Dubrovin i Merzlyakov.
26. Merzlyakov, A.F. (1826) *Podrazhaniya i perevody iz grecheskikh i latinskikh stikhotvortsev* [Imitations and translations from Greek and Latin versifiers]. Moscow: Univ. tip.
27. Priyma, F.Ya. (ed.) (1972b) *Poety XVIII veka: V 2 t.* [Poets of the 18th century: in 2 vols]. Vol. 1. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
28. Alekseev, M.P. (1972) *Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin: Comparative Historical Studies]. Leningrad: Nauka. pp. 326–377.
29. Dmitriev, I.I. (1967) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

30. Privalova, E.P. (1976) *Sotsial'naya problema na stranitsakh zhurnala Novikova "Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma"* [Social problem in Novikov's magazine "Children's Reading for the Heart and Mind"]. In: Makogonenko, G.P. (ed.) *XVIII vek* [The 18th century]. Vol. 11. Leningrad: Nauka. pp. 104–112.

31. Setin, F.I. (1990) *Istoriya russkoy detskoy literatury: Konets X – pervaya polovina XIX v.* [History of Russian children's literature: The end of the 10th - the first half of the 19th century]. Moscow: Prosveshchenie.

32. Russia. (1786) *Detskoe chtenie dlya serdtsa i razuma* [Children's Reading for the Heart and Mind]. Vol. 6. Moscow: Novikov.

33. Ivanchin-Pisarev, N.D. (1819) *Sochineniya i perevody v stikhakh* [Compositions and translations in verses]. Moscow: S. Selivanovskiy.

34. Narezhnnyy, V.T. (1983) *Izbrannye sochineniya: V 2 t.* [Selected works: In 2 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

35. Viti, G. (1969) *Antologia della critica letteraria: dantesca e storica*. Vol. 1. Firenze: Le Monnier.

36. Sazonova, L.I. (2012) *Pamyat' kul'tury: Nasledie Srednevekov'ya i barokko v russkoy literature Novogo vremeni* [The Memory of Culture: Heritage of the Middle Ages and Baroque in Russian Literature of Modern Times]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.

37. Vyazemsky, P.A. (1958) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

38. Veselovsky, A.N. (1939) *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Leningrad: GIKhL. pp. 132–139.

39. Oznobishin, D.P. (1830) *Selam ili Yazyk tsvetov* [Selam or the language of flowers]. St. Petersburg: Department of Popular Education.

40. Sharafadina, K.I. (2003) *"Alfavit Flory" v obraznom yazyke literatury pushkinskoy epokhi: Istochniki, semantika, formy* ["The Alphabet of Flora" in the Figurative Language of Pushkin's Literature: Sources, Semantics, Forms]. St. Petersburg: Peterburg. in-t pechati.

41. Sharafadina, K.I. (2018) *Selam, otkroysya!: Floropoetika v obraznom yazyke russkoy i zarubezhnoy literatury* [Selam, open up! Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literature]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

42. Tyutchev, F.I. (1987) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

43. Tyutchev, F.I. (2002) *Polnoe sobranie sochineniy i pis'ma: V 6 t.* [Complete Works and Letters: In 6 vols]. Vol. 1. Moscow: Klassika.

44. Heine, H. (1904) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 2nd ed. Translated from German. Vol. 5. St. Petersburg: A.F. Marks.

45. Mikhaylov, M.L. (1969) *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.

46. Heine, H. (1979) *Säkularausgabe: Werke, Briefwechsel, Lebenszeugnisse*. Vol. 1. Berlin: Akademie-Verlag; Paris: Editions du CNRS.

47. Annensky, I. (1979) *Knigi otrazheniy* [Books of Reflections]. Moscow: Nauka.

48. Pild, L. (2007) Geyne v literaturnom dialoge K. Sluchevskogo i Vl. Solov'eva [Heine in the literary dialogue between K. Sluchevsky and Vl. Solovyov]. In: Zayonts, L.O. "Na mezhe mezh Golosom i Ekhom": *Sbornik statey v chest' Tat'yany Vladimirovny Tsiv'yan* ["On the Boundary Between the Voice and the Echo": Collection of Articles in Honor of Tatyana Vladimirovna Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. pp. 156–164.

Информация об авторе:

Полилова В.С. — канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела русской культуры Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vera.polilova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Polilova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vera.polilova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 11.12.2021.

The article was accepted for publication 11.12.2021.